

Дермис
СМОЛА

Бертрас
СМОЛЛ

Обрести
любимого

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small
LOST LOVE FOUND

Перевод с английского *П.В. Мельникова*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera Ltd.

Смолл, Бертрис.

С51 Обрести любимого : [роман] / Бертрис Смолл ; [пер. с англ. П. В. Мельникова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 480 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

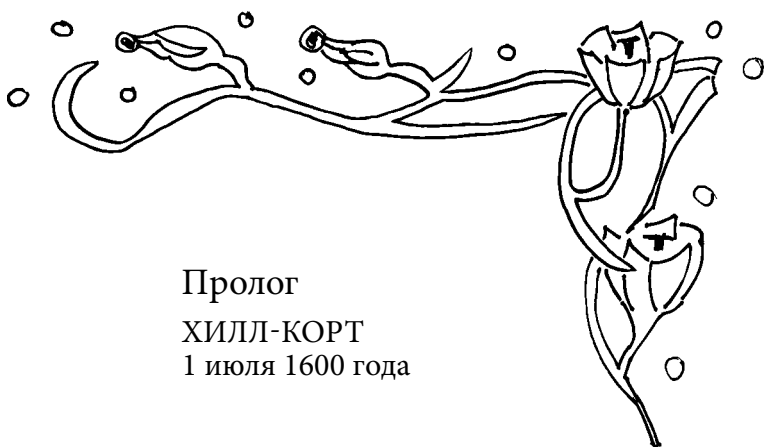
ISBN 978-5-17-091370-1

Трагически потерявшая мужа прекрасная Валентина Сен-Мишель отправилась в далекую Турцию, чтобы открыть тайну своего рождения. Двое мужчин вызвались сопровождать красавицу в нелегком и опасном путешествии, и оба страстно и преданно любили ее. Но кто же из двоих уготован Валентине судьбой? Отважный Том Эшберн или неукротимый Патрик Бурк? От правильного выбора зависело счастье молодой женщины...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-091370-1

© Bertrice Small, 2011
© Перевод. П.В. Мельников, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

ХИЛЛ-КОРТ

1 июля 1600 года

Валентина, леди Бэрроуз, коленапреклоненно молилась у гроба своего мужа. Несмотря на свою молодость и отсутствие подобного опыта, она знала, что ей нужно делать.

Если за то короткое время, когда она была хозяйкой Хилл-Корта, она не сумела завоевать уважение своих слуг, сейчас она добилась этого выполнением своего супружеского долга. Одета в черный шелк, на котором единственным белым пятном выделялся крахмаленный воротник, она была почти неподвижна. Ее блестящие темно-каштановые волосы, отливающие медью, были аккуратно заправлены под скромный чепец из тонкого батиста. На ней не было никаких украшений, кроме тяжелого золотого обручального кольца.

В течение долгой ночи ни разу не покинула свой пост леди Бэрроуз, бодрствуя около холодного тела своего мужа до тех пор, пока за витражными окнами часовни не появились первые золотые лучи рассвета. На кухне Хилл-Корта слуги скорбели не только по поводу смерти своего хозяина, но и потому, что, по утверждению прачки, месячные леди Бэрроуз пришлось именно на день смерти ее мужа. Следовательно, трагически короткий брак их покойного хозяина и его красавицы жены не завершится рождением наследника.

Пение птиц заставило Валентину оторваться от молитвы. Распятие из серебра и слоновой кости на четках из оникса выскользнуло из пальцев тонкой белой руки и упало на пол. Нагнувшись за ним, Валентина в мыслях вернулась

к утру вчерашнего дня, когда она растерянно, застыв от страха, смотрела на искалеченное тело мужа.

Нед лежал такой спокойный, такой бледный. Он никогда не выглядел таким спокойным. Даже во сне.

— Что... что случилось? — ей удалось справиться со своим голосом. Она попыталась сосредоточить внимание на груме, который сопровождал лорда Бэрроуза в поездке верхом, или на людях, которые принесли домой искалеченное тело хозяина, точнее, то, что от него осталось.

Растерянные мужчины нервно переминались с ноги на ногу, предоставив Дервину возможность объясниться. В хорошенькую же историю я вляпался, думал грум. Но, в конце концов, ему никогда особо не везло. Он получил это место прошлой весной, сменив старика-грума, всегда сопровождавшего его светлость в поездках, учившего лорда Бэрроуза еще ребенком сидеть на лошади и пробывшего с ним всю жизнь. Сейчас, думал незадачливый грум, ему придется подыскивать себе другое место, а без рекомендации это было непростой задачей.

— Пожалуйста, говори.

Грум дернул головой при звуке печального голоса ее светлости и заговорил:

— Там есть такая высокая изгородь из шиповника, которая разделяет выпас, миледи, — сказал он. В глубине души он чувствовал, что сам допустил промашку, что он сам отчасти был причиной этого ужасного происшествия. — Его светлость ехал на новом жеребце, которого он получил от вашего кузена, лорда Саутвуда как свадебный подарок. — Он глубоко вздохнул и продолжил: — Конь внезапно остановился прямо перед этой изгородью, которую ваш супруг хотел заставить его перепрыгнуть. Хозяин был терпелив с ним, миледи. Развернул коня, поговорил с ним ласково, приободрил его. И снова подъехал к изгороди. Конь заколебался на мгновение, миледи, но потом прыгнул. — Грум покачал головой. — Он потерял равновесие. Оступился, когда был уже по другую сторону изгороди. Сбросил его светлость, а потом упал на хозяина сверху. Они оба запутались в изгороди. Конь сломал две ноги. Пришлось избавиться от него, вот так-то, миледи. Ужасная потеря. Ну.. у его светлости... шея и спина были сломаны при падении. Он был совсем без признаков жизни, когда мы наконец стащили с него коня. Прошу прощения, миледи, — добавил он, когда Валентина побледнела еще сильнее. — Люди распрямили его для вас, миледи, так чтобы он выглядел поприличней.

Грум чувствовал себя несчастным. За всю жизнь он никогда не произносил так много слов за один раз.

В горле у него совершенно пересохло, и он мечтал отправиться на кухню и выпить холодного сидра. Он нервно дергал себя за ухо, беспокойно переминался с ноги на ногу на широких гладких половицах большого зала дома.

Валентина онемела, хотя ум ее продолжал работать, несмотря на потрясение. «В конце концов, — подумала она с грустью, — я остаюсь дочерью своей матери». У нее были обязанности, которые необходимо исполнить, и она справится с ними.

— Нужно установить гроб, — приказала она людям спокойным, властным, как ей казалось, голосом. До этого она никогда не сталкивалась так близко со смертью. — Отнесите тело его светлости в большой зал, — продолжала она, — потом подождите, пока я поговорю со священником.

Слуги, по-прежнему храня молчание, снова подняли носилки с телом и понесли их в большой зал.

— Я побегу и приведу вам священника, миледи, — нетерпеливо предложил грум, чувствуя себя виноватым и мечтая поскорее уйти. Спокойное поведение Валентины заставляло его сильно нервничать. Ему казалось, что любая женщина, увидев тело своего мужа, должна плакать, делать что-то ужасное и не быть такой холодной и спокойной, как эта леди. Прямо жуть берет. Может быть, от этого известия она помешалась, думал он с суеверной дрожью.

Валентина остановила на нем безжизненный взгляд и рассеянно кивнула.

— Да, — сказала она. — Иди и разыщи отца Питера.

После его ухода она стояла как вкопанная. «Я обязана во всем разобраться, — думала она. — Но, боже милостивый, неужели все это происходит на самом деле?»

Она не видела Неда с прошлого вечера, когда тот приходил к ней в спальню, чтобы заняться любовью.

Валентина вышла замуж за Эдварда Бэрроуза всего три с половиной недели назад, шестого июня. Сейчас, в первый день июля, она неожиданно стала его вдовой. Бедная мама, которая уже отчаялась увидеть ее когда-нибудь замужней женщиной, будет так расстроена. Ее родители! Она должна послать гонца к своим родителям! Конечно, гонец будет не более чем актом внимания, потому что Эдварда придется похоронить раньше, чем ее семья из Вустершира сумеет добраться сюда. До Перрок-Ройяла, по крайней мере, полтора дня пути, и столько же потребует на возвращение. Поскольку стояло необычайно жаркое лето, Валентина понимала, что ждать с похоронами до приезда семьи невозможно, потому что при такой жаре тело быстро начнет разлагаться.

Слезы полились внезапно, переполнив ее красивые аметистовые глаза. Она нетерпеливо смахнула их. Бедный Нед! Он был хорошим человеком. Так несправедливо, что в это прекрасное летнее утро он лежит мертвый в большом зале своего дома.

— Госпожа Валентина?

Леди Бэрроуз повернулась. Это была Нен, дорогая Нен, которая когда-то была ее кормилицей, а сейчас выполняла обязанности ее камеристки. Шесть месяцев назад Нен сама потеряла мужа и поэтому смогла уехать из Перрок-Ройяла со своей молодой хозяйкой, когда та вышла замуж за лорда Бэрроуза.

— Уже все знают? — спросила Валентина, почувствовав внезапную усталость.

— Да. — Нен сильной рукой обняла хозяйку. — Идите, присядьте, мой ягненок. Это страшный удар, но мы вместе справимся с ним, вы и я. — Она отвела Валентину в небольшую гостиную, которую по указанию лорда Бэрроуза специально отделили для его молодой жены. Это была веселая маленькая комната с камином и уютным сиденьем у окна, на нем лежала яркая тканая подушка, на которую с помощью суетящейся Нен опустилась Валентина.

— Садитесь сюда, мой ягненок. — Потом камеристка торопливо налила в кубок вина и протянула своей хозяйке. — Выпейте вот это, миледи. Вам станет легче.

Валентина одним глотком выпила вино, даже не почувствовав его вкуса. Потом сказала грустным голосом:

— Ты же знаешь, что я не любила его.

— Да, знаю, — последовал спокойный ответ.

«Конечно, она не любила его, — думала Нен. — Мне было ясно все это время. Почему остальные не понимали этого? Господь, упокой душу его светлости, он был добрейшим человеком и наилучшим из джентльменов, однако дело в том, что госпожа Валентина просто не любила его».

Валентина горестно вздохнула:

— Может быть, я научилась бы любить его, Нен. Может быть, я смогла полюбить его, если бы у меня было время.

— Да, сладкая моя, — согласилась Нен, успокаивая ее. — Конечно, со временем вы полюбили бы его, миледи. Я уверена в этом. У вас всегда было доброе сердце. Лучше, чем у остальных.

Слишком доброе сердце, подумала про себя верная служанка, хотя госпожа Валентина, если нужно, могла быть и очень решительной.

В дверь гостиной деликатно постучали. Открыв ее, Нен увидела старшего лакея, который вежливо поклонился и спросил:

— Понадобится ли сегодня ее светлости грум, чтобы отправить его с сообщениями?

— Конечно, — бросила Нен, тут же взяв дело в свои руки. — Приготовь и оседлай самую резвую лошадь, какая есть на конюшне, и подбери кого-нибудь посмекалистей, чтобы отвезти сообщение. Не какого-нибудь простофилю с вытаращенными глазами, который и двух слов не скажет и не знает, где восток, где запад. Ее светлости будет нужен грум через десять минут. — Она плотно закрыла дверь перед старшим лакеем, который, слегка подняв бровь, заторопился прочь.

Нен взяла с соседнего столика небольшой бювар и положила его на колени Валентине.

— Вот только что заостренное перо, — сказала она. — Вам лучше поторопиться, потому что гонец будет здесь через пять минут, миледи. Лучше быть краткой.

Валентина молча кивнула, моргая от слез, но когда гонец появился, письмо было готово.

Нен вручила свернутый в рулон и запечатанный пергамент груму и, выпроваживая его из комнаты, строго приказала:

— Скачи так, как будто за тобой черти гонятся, и передай это письмо лично в руки лорда Блисса. Никому больше. Даже Билу, мажордому, отцу моего покойного мужа. Только лорду Блиссу, ты понял?

Грум нахально ухмыльнулся.

— А если я окажу тебе услугу, моя красotka Нен, ты сходишь со мной на сеновал, когда я вернусь?

— Неужели у тебя нет совести? — раздраженно сказала Нен. — В большом зале лежит покойник, а я ведь почтенная вдова!

— Ну, я-то не покойник, моя красotka, — хихикнул грум.

Она несильно стукнула его.

— Да будет тебе известно, что мой покойный муж был главным егерем! Не какой-нибудь простолюдин из конюшен.

— Я помощник старшего грума, и меня зовут Элан. Мужчине нужна надежная женщина, чтобы стать кем-то в жизни, — ответил грум.

— Доберись до Перрок-Ройяла, — сказала Нен, — а когда вернешься, мой мальчик, мы посмотрим. Ты же знаешь, я не такая женщина, которая пойдет с любимым на сеновал.

— Я понимаю это, моя красotka. — Грум ухмыльнулся, быстро хлопнул Нен по обширному заду и торопливо вышел. А в это время отец Питер медленно, шаркая ногами, входил в комнату.

Нен затолкала выбившуюся прядь волос под чепец и поклонилась священнику. Она надеялась, что тот не слы-

шал ее разговора с Эланом. Он был нахальным типом, этот Элан, но один его вид заставлял ее сердце биться так, как оно ни разу не билось после смерти Гарри.

— Ее светлость ожидает вас, сэр, — чопорно сказала она священнику и проводила его в маленькую гостиную.

Старик провел в Хилл-Корте почти всю свою жизнь. Он крестил Эдварда Бэрроуза, когда тот был младенцем. Он похоронил родителей лорда Бэрроуза и его первую жену. Он крестил и хоронил всех хилых младенцев, которых бедная Мэри Бэрроуз рожала Эдварду.

Отец Питер грустно покачал головой. Он возлагал такие надежды на вторую жену хозяина, которая была родом из большой и здоровой семьи. Конечно, он никогда не предполагал, что ему придется хоронить лорда Бэрроуза через месяц после его свадьбы.

— Дорогая леди, — обратился он к Валентине. — Чем я могу утешить вас в столь трагический час?

Услышав дрожь в голосе старика, Валентина сумела собраться с силами.

— Скажите мне, кого я должна известить и кто является наследником моего мужа? Поскольку я недавно вышла замуж за Неда, я до сих пор не знаю его отдаленных родственников.

— Таковых нет, миледи. Со смертью Эдварда род Бэрроузов исчезнет, если вы не носите ребенка вашего мужа. Если нет, тогда наследницей вашего мужа являетесь вы, миледи, — объяснил священник удивленной Валентине.

— Никого? — Валентина была поражена. — Обязательно кто-то должен быть, отец Питер. Увы, я не беременна, и в этом я уверена. Милорд и я недолго были женаты.

Отец Питер покачал седой головой.

— Миледи, тогда никого нет. У старого лорда Генри Бэрроуза и его жены осталось в живых трое детей — лорд Эдвард, мастер Уильям и госпожа Кэтрин. Мастер Уильям был убит молодым на войне, хотя я не могу вспомнить, на какой именно. Он никогда не был женат. Госпожа Кэтрин умерла при родах в возрасте шестнадцати лет, ее ребенок тоже умер. Первая жена лорда Эдварда умерла, и все ее дети давно умерли. Не осталось никого, кроме вас.

— Может быть, есть какие-то кузены? — настаивала Валентина. Он снова покачал головой.

— У лорда Эдварда была единственная кузина, леди Мэри. Он женился на ней, когда им обоим было по шестнадцать лет. Она была единственным ребенком единственной сестры его отца. Больше действительно никого нет. Совершенно никого, миледи.

Валентина тяжело вздохнула. Она не знала, что хуже: отсутствие живых родственников Эдварда, которые могли бы продолжить его род, или то, что единственным

человеком, оставшимся скорбеть о нем, была жена, не любившая своего мужа.

— Что же мне делать, отец Питер? — спросила она доброго духовника. — Я никогда не организовывала похорон.

Старик взял ее красивую, мягкую руку в свою, изуродованную и старую.

— Надо, чтобы из деревни пришли старухи и подготовили тело его светлости к погребению. Его тело должно быть выставлено для торжественного прощания в большом зале сегодня вечером и завтра утром. Этого вполне достаточно, чтобы несколько его соседей и арендаторов успели попрощаться с ним. Обедня и погребение в фамильном склепе состоятся завтра днем.

— Так скоро, отец Питер? — Валентина выглядела откровенно потрясенной.

— Времени хватит, миледи, потому что мало кто придет на похороны. Кроме того, боюсь, что погода в любом случае не позволит нам тянуть с погребением.

Валентина вздохнула.

— Вы правы, — согласилась она, чувствуя еще большую горечь. Бедный, бедный Нед! Такой замечательный человек — и такая нелепая смерть. Она заставила себя немного встряхнуться. Нельзя поддаваться тоске. Она отдаст должное мужу и проследит, чтобы он был похоронен со всеми подобающими почестями, какие она сможет устроить.

— Не попросите ли вы женщин прийти и позаботиться о милорде, отец Питер? Я сейчас пойду выбирать одежду, в которую они его оденут.

Священник потрепал ее по руке и, благословив, торопливо ушел. Она долго стояла не двигаясь. Потом, гадая, как повела бы себя в подобном положении ее мать, она поспешила в комнаты своего мужа, чтобы выбрать одежду, в которой его предстояло похоронить.

Из ближайшей деревни пришли старухи. Причитая по покойнику, обливаясь слезами, заботливо подготовили тело лорда Бэрроуза для его последнего путешествия. Они утверждали, что помнили тот день, когда лорд Бэрроуз родился сорок один год назад. Подробно рассказывали, как он выглядел сразу после рождения, когда его отец с гордостью показал всем младенца. Вспоминали его проказы, когда он начинал ходить, как мальчиком он с безудержным весельем носился на своем пони, как был долговязым молодым женихом своей красивой кузины Мэри. Среди старух не было ни одной, не скорбевшей о Бэрроузах, которым пришлось пережить столько смертей.

Как они радовались, когда в июне приехал лорд Бэрроуз с новой красавицей женой. И когда Валентина поя-

вилась с самыми красивыми одеждами своего мужа, у старушек начался новый приступ скорби. Они понимали, что в ситуации, когда не было других наследников, кроме этой красивой вдовы, их собственное будущее вызывало серьезные опасения. Что будет с поместьем? Кто будет заботиться о них, если у них не будет хозяина? Кто позаботится об их детях и многочисленных внуках без Бэрроуза? Бэрроузы всегда, насколько хватало памяти, владели этим поместьем. Женщины вспоминали рассказы своих бабушек и дедушек о короле по имени Ричард, против которого сражался предок лорда Бэрроуза. Жизнь без Бэрроузов казалась невозможной.

Когда, наконец, тело лорда Бэрроуза обмыли и одели, его осторожно положили в гроб, распрямив ноги и скрестив руки на груди. С каждой стороны гроба горели высокие свечи из пчелиного воска в резных напольных серебряных подсвечниках. Около гроба стояла почерневшая дубовая скамеечка с сильно вытертой гобеленовой подушкой для преклонения колен. Правила хорошего тона и обычай требовали, чтобы вдова провела всю ночь возле бранных останков своего мужа. Валентина сделала то, что от нее ждали: она всю ночь провела у гроба.

На рассвете звук открывшейся двери в большой зал заставил ее вздрогнуть. Она встала на ноги, чувствуя легкое головокружение от усталости и потрясения. Сильные руки Нен поддержали хозяйку.

— Вам надо отдохнуть и поесть перед похоронами, миледи, — сказала она. — Пойдемте со мной, дорогая, позвольте Нен позаботиться о вас.

— Хорошо, — согласилась Валентина. — Я не должна опозорить память Неда.

В полдень его арендаторы и несколько соседей почтительно воздали почести покойному Эдварду, лорду Бэрроузу, последнему из рода Бэрроузов, который был упокоен в семейном склепе около церкви поместья, рядом со своей первой женой Мэри и их давно умершими детьми. Отец Питер отслужил мессу, на которой присутствовали вдова лорда Бэрроуза, его слуги и соседи. День был ярким и теплым, делая панихиду еще более грустной.

Потом Валентина сидела одна в большом зале Хилл-Корта, поедая без аппетита ужин, приготовленный слугами. Она с отвращением вспоминала, как их ближайшая соседка, некая леди Маршалл, выпалила, что, несомненно, дорогой Нед будет рад снова встретиться со своей Мэри, да к тому же так скоро. Потом, после сказанного, леди Маршалл поняла, к кому она обращается, и покраснела, пробормотав извинения. Добрая по натуре, она ужаснулась сказанному. Валентине удалось прийти на выручку старой

даме, приняв с пониманием извинения леди Маршалл

шалл не могли остаться на поминальный ужин. Интересно, о чем они могли бы говорить?

Она глубоко вздохнула. Почему даже сейчас, подумала Валентина, она не может как следует выплакаться по поводу безвременной кончины бедного Неда? Надо признаться, она не любила его, но он, конечно же, нравился ей, и они уже становились друзьями. Что за странный она человек? Валентина хорошо спала, утомленная бодрствованием предыдущей ночи.

Утром она проснулась с головной болью. Поскольку заняться ей было нечем, она поймала себя на мысли, что бесцельно бродит по дому, по хорошо ухоженному саду. Сейчас она лицом к лицу столкнулась с ужасной реальностью: она не знала, чем ей занять себя. За месяц замужества она не освоила обязанностей хозяйки Хилл-Корта. Чем, во имя всего святого, должна заниматься вдова? Как ей вести себя? Все слуги, за исключением Нен, ждали от нее указаний. Что она должна сказать им, если они знали о Хилл-Корте и его последнем хозяине больше, чем знала она? Она понятия не имела, чем ей заняться, как управлять Хилл-Кортом теперь, когда его хозяин умер.

Вечером на дороге, ведущей к поместью, раздалось равномерное цоканье лошадиных копыт. Валентина поспешила из сада, чтобы посмотреть, кто приехал. Ее глаза широко открылись, и она с облегчением ахнула. Беспокойство, которое весь день отражалось на ее лице, исчезло, когда она узнала всадника.

Огромный черный жеребец остановился у парадной двери дома, и большой, красивый всадник легко соскочил на землю и обнял Валентину.

— Отец! — воскликнула Валентина Сен-Мишель Бэрроуз. — Слава Богу и Пресвятой Матери его, что вы приехали!

Конн О'Малли Сен-Мишель, лорд Блисс из Перрок-Ройяла, сердечно обнял свою старшую дочь.

— Ну, девочка, — ласково сказал он, — а мы-то думали, что устроили твою жизнь.

Именно в эту минуту леди Бэрроуз разразилась потоком слез.

Часть 1

ВАЛЕНТИНА

Лето — осень 1600 года

1

— Э

то все по твоей вине, Валентина! — плача сказала Анна Элизабет Сен-Мишель, темно-зеленые глаза которой, так похожие на глаза ее отца, сейчас были мокрыми и блестели от слез. — Это все по твоей вине, — повторила она, — расстроилась моя свадьба! О, я никогда не прошу тебя, Вал! Разве мало того, что мне и Роберту пришлось так долго ждать, пока ты, наконец, решила, кого тебе выбрать из твоих многочисленных поклонников? — Ее блестящие каштановые волосы, так же отливающие медью, как и волосы ее сестры, развеались, когда она взад и вперед ходила по комнате. — Только потому, что ты решила устроить себе скромную свадьбу, я тоже должна так поступать?

Было нечто удивительное в том, что откровенно некрасивая Эйден Сен-Мишель, леди Bliss, родила семерых невероятно красивых молодых людей, собравшихся сейчас в небольшом семейном зале в Перрок-Ройяле. Однако Конн, муж Эйден, считался самым красивым мужчиной при дворе, и, поскольку он был отцом этих детей, их красота была его заслугой.

— Анна, мне жаль, что так получилось, — спокойно сказала Валентина, — я действительно слишком долго выбирала себе мужа, но, моя дорогая, я просто не могу взять на себя вину за несчастный случай, из-за которого погиб бедный Нед! Если тебе

надо найти виноватого, тогда называй нашего кузена Робина, который подарил Неду того жеребца.

Одетая в черное, Валентина сидела в глубокой задумчивости, держа в изящных руках пяльцы для вышивания.

— Как можно кого-то винить в случайной гибели, Анна? — продолжала она. — Что касается твоей свадьбы, то я изо всех сил упрасивала маму не нарушать твои свадебные планы из-за моего траура. Ты выйдешь замуж двадцать шестого июля, обещаю тебе. — Валентина протянула руку, чтобы потрепать свою младшую сестру, но та отмахнулась от нее.

— Моя свадьба испорчена! — настаивала она. — Мама послала сообщения всем важным гостям и просила их не приезжать, потому что, хотя свадьба и состоится, она должна быть скромной из-за твоего траура!

— Я не могу поднять Неда из могилы, чтобы у тебя была веселая свадьба, Анна, — сухо заметила Валентина. — Сожалею, что доставила тебе неудобства, но я не могу не задаваться вопросом, что более важно для тебя — твой брак с Робертом или суета вокруг свадьбы, которая делает тебя центром внимания.

— Ты злока! — прошипела в ответ Анна Сен-Мишель.

— Я просто наблюдательна, — последовал ответ. — Кроме того, Анна, время сейчас тяжелое. В Англии четыре года подряд неурожай. У правительства мало денег. Королева сама отдает в заклад свои фамильные драгоценности и украшения, для того чтобы содержать себя! Она в таком отчаянном положении, что позволила тете Скай и дяде Адаму купить Королевский Молверн, и это не единственные земли, которые ее величество продала.

— Какое это имеет ко мне отношение? — возмутилась Анна.

— Дорогая Анна, тебе надо научиться думать о других людях, а не только о себе, — мягко сказала Валентина. — Вся семья, все ее многочисленные ветви долгие годы зарабатывали себе на жизнь торговлей, но сейчас торговля идет туго из-за нашей бесконечной войны с Испанией. Только мудрость и чутье тети Скай помогли нам сохранить наше состояние, в то время когда большинство самых крупных состояний за последние двадцать лет потеряны. Посмотри на папиных братьев. Они потеряли почти все, что приобрели, каперствуя для Англии в Испанском Мейне*. Теперь их сыновья присоединились к восстанию, поднятому Хью О'Нейлом, графом Тироны, и Ирландия не может выиграть эту войну. В результате О'Малли из Иннисфаны окажутся в еще худшем положении, чем во времена нашего дедушки.

* Испанский Мейн — название, утвердившееся в XVI—XVII вв. и обозначающее испанские владения по побережью Южной Америки, от Панамы до р. Ориноко. Иногда так называли Карибское море.